

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

REPLY TO CRITICS

В. П. Филатов

Автор подводит итоги дискуссии по статье «Мысленные эксперименты и априорное познание». В.П. Филатов признает необходимость особого рассмотрения проблемы мысленного эксперимента в социальных и гуманитарных науках. Соглашаясь с большинством соображений участников дискуссии, автор, тем не менее, выступает против «тезиса элиминации» и настаивает на структурном сходстве между мысленными и реальными экспериментами.

Author sums up the discussion of the “Thought experiments and a priori knowledge”. Vladimir Filatov supports the idea of the necessity of special consideration of the thought experiments problem in social sciences and human studies. Nevertheless, he rejects the “elimination thesis” and insists on the structural affinity between thought and real experiments.

Я благодарен коллегам за высказанные замечания и целый ряд интересных и важных соображений, которые глубже раскрывают поставленные вопросы. Замечания касаются прежде всего трактовки априорного знания. Я взял простое, характерное скорее для ученых, а не философов, понимание последнего – мысленные эксперименты разыгрываются, как говорили раньше, «в умозрении», или, как говорят ныне, придумываются «сидя в кресле». Поэтому я подумал, что можно в такой простой форме поставить вопрос о возможности с помощью мысленных экспериментов получать какое-то определенное и новое знание о реальности. Мои оппоненты И.Д. Невважай и А.А. Парамонов вполне справедливо указали на узость такой трактовки априорного, поскольку это понятие относится прежде всего к условиям возможности опыта и знания, а не к эксплицитным суждениям о мире. Действительно, это понятие, а точнее сказать, концепт, со времен Платона и Аристотеля менялось и по форме, и по содержанию, обрастало новыми смыслами, но его ядро было связано с предпосылками опыта. В этом плане можно согласиться с А.А. Парамоновым, что обсуждаемый вопрос стоило бы поставить несколько иначе: можно ли считать мысленные эксперименты своего рода инструментами поиска новой формы возможного знания? Собственно, в конце моего текста есть сдвиг в эту сторону, и мне кажется, что все участники дискуссии согласны с тем, что именно здесь проявляется продуктивная роль мысленных экспериментов.

В моей статье подробно разбирается лишь один мысленный эксперимент Галилея. Д.Н. Дроздова очень изящно показала, какие нетривиальные идеализации и общие допущения вводятся и проясня-

ются в других мысленных экспериментах великого ученого и его последователя Борелли. И.Д. Невважай напомнил, что мысленное экспериментирование встречается и в социально-гуманитарной мысли, в частности в юриспруденции. Он также показал, что в этих науках у мысленных экспериментов могут быть несколько иные функции, чем в физике. По-видимому, и мне стоило бы учесть различные виды мысленных экспериментов при обсуждении заявленной проблемы.

С одним тезисом мне хотелось бы поспорить. Д.Н. Дроздова утверждает: «Хотя мысленный эксперимент и выглядит разновидностью эксперимента, тем не менее, это всего лишь форма гипотетико-дедуктивного рассуждения». Такая позиция есть в литературе (тезис элиминации): хороший мысленный эксперимент может быть сведен к логическому аргументу без потери демонстративной силы. Различные демоны, коты и черепахи, двойники и зомби, встречающиеся в мысленных экспериментах, могут быть полезны в плане риторики и психологии, но по сути можно обойтись и без них. Я все же считаю, что мысленные эксперименты в отличие от логических выводов по своей структуре сходны с реальными экспериментами. В них вводятся искусственные условия, происходит манипуляция с конкретными вещами. Я думаю, что здесь можно говорить не гипотетико-дедуктивном выводе, а о неформальной логике, о которой пишет в своей статье И.Н. Грифцова. Также нередко с мысленными экспериментами связывают логику контрфактических рассуждений и семантику «возможных миров».